

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ
Ө. И. ТЮТЧЕВЪ

5-го декабря 1928-го года исполнилось сто двадцать пять лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго лирика.

Къ этой датѣ былъ приуроченъ выходъ альманаха «Уранія» и появленіе юбилейныхъ статей въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ. Нѣсколько раньше празднованія, но тоже не безъ связи съ нимъ, опубликованы новые матеріалы о поэтѣ въ «Мурановскомъ сборникѣ».

Къ юбилею же можно отнести появленіе работы Г. Чулкова «Послѣдняя любовь Тютчева».

Это оживленіе въ литературѣ о поэтѣ, само по себѣ цѣнное, конечно, все же менѣе значительно, чѣмъ другое явленіе: не только юбилейный годъ, но и всѣ почти предшествующіе (приблизительно съ начала нашего вѣка), непрерывно прибавляли что-нибудь къ Тютчевіанѣ. Даже всѣ катастрофы и потрясенія послѣднихъ лѣтъ не могли уже поколебать своего рода культъ Тютчевской лирики. Если юбилей поэта не сталъ его триумфомъ, если популярность Тютчева не возрасла, то лишь потому, что слава его уже лѣтъ двадцать-тридцать назадъ нашла свои окончательные предѣлы.

Не соперничая въ блескѣ и всенародности съ Пушкинской, — Тютчевская слава такъ же бессмертна и, можетъ быть, даже еще болѣе незыблема.

Пушкинъ — въ мірѣ, стихи его сопутствуютъ жизни, не отставая отъ нея, но и не ища надъ ней возвыситься.

Поэзія Тютчева хочеть совпасть съ абсолютнымъ, она ищетъ «недостижимаго, неизмѣннаго», того, что пребываетъ надъ міромъ или на самой послѣдней его глубинѣ.

Эта поэзія — «какъ ночью на небѣ звѣзда».

Медленно и какъ бы съ величайшимъ трудомъ находила она дорогу къ достойному ея признанію, которое, быть можетъ, справедливѣе всего связать съ появленіемъ статьи Владимира Соловьева. Эта статья и по-сейчасъ остается одной изъ наиболѣе глубокихъ работъ о поэтѣ и, подводя какіе-то итоги недавнему юбилею и не забывая, что онъ — лишь моментъ въ «посмертной жизни» Тютчева, — всего естественнѣе говорить о Соловьевской статьѣ, хотя и написанной болѣе тридцати лѣтъ на-

задь, но давшей едва ли не самое спорное, знаменитое и блестящее определение истоков Тютчевской лирики.

Нѣсколько словъ хочется все же сказать сперва объ одной изъ работъ наиболѣе актуальныхъ.

Это — изслѣдованіе Л. В. Пумпянскаго, напечатанное вступительной статьей въ юбилейномъ альманахѣ «Уранія».

Основные положенія автора таковы: Тютчевъ въ своей поэтикѣ — прямой наслѣдникъ Державина, въ своемъ міровоззрѣніи онъ — ученикъ нѣмецкихъ философовъ, главнымъ образомъ, Шеллинга. Для перваго утвержденія авторъ воспользовался изслѣдованіями формалистовъ (Тынянова, Эйхенбаума), второе онъ дѣлаетъ на основаніи своихъ собственныхъ умозаключеній.

Удивляетъ въ интересномъ и цѣнномъ изслѣдованіи Пумпянскаго одно его свойство, отличающее, впрочемъ, всѣ работы формалистовъ и другихъ авторовъ, близкихъ къ этой школѣ.

Пумпянскій какъ будто забываетъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ аналогій съ поэтикой Державина и философій Шеллинга, есть у Тютчева еще что-то свое, то, безъ чего и не было бы его лирики. Это главное организующее начало, эту «душу живую» изслѣдователи послѣднихъ лѣтъ, съ кажущейся скромностью, опредѣляютъ, какъ нѣчто, не подлежащее ихъ компетенціи, и отдѣляются, такимъ образомъ, отъ центральной критической задачи. Приѣмъ, непонятный особенно у тѣхъ авторовъ, которые, какъ Пумпянскій, пытаются охватить явленіе во всей его глубинѣ.

Авторъ статьи, на словахъ, отрекается отъ формальной школы, но и его работа сводится, въ общемъ, къ описанію слагаемыхъ Тютчевскаго творчества. Въ ней цѣлое какъ бы опущено. Можно подумать, что авторъ предоставляетъ читателю самому продѣлать сложеніе: изъ Державина плюсъ Шеллингъ плюсъ мысли Пумпянскаго о романтикѣ и барокко буд-то бы автоматически получается сумма: поэзія Тютчева.

Положеніе затрудняется еще тѣмъ, что далеко не всѣ слагаемая Тютчевской лирики Пумпянскимъ указаны. Такъ, внѣшнихъ аналогій у Тютчева и Державина, навѣрно, не больше, чѣмъ у Тютчева и Пушкина.

Объ этомъ Пумпянскій не сказалъ ни слова. Сопоставивъ мироощу-

щеніе Тютчева и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ философовъ, Пумпянскій нигдѣ не упоминаетъ Паскаля. Между тѣмъ трудно предполагать, что поэтъ, заимствовавшій у автора «Мыслей» одинъ изъ его лучшихъ образовъ («L'homme est un roseau pensant» — «и ропшетъ мыслящій тростникъ») и совпадающій съ Паскалемъ въ тонѣ и волненіи цѣлаго ряда строчекъ, — былъ совершенно чуждъ его философіи.

Но и не здѣсь, конечно, ключъ къ поэзіи Тютчева. Ни Шеллингъ, ни Паскаль, ни Державинъ, ни Пушкинъ, сами по себѣ, ничего еще въ Тютчевскихъ стихахъ не объясняютъ.

Мысли близкихъ философовъ, слова или образы родственныхъ лириковъ утрачиваютъ прежнее сцѣпленіе и находятъ новое, доселѣ невиданное, значеніе въ творчествѣ подлиннаго поэта.

Это чудо преображенія Пумпянскій не пытается описать. Оттого собранный имъ матеріалъ и кажется всего лишь подготовительнымъ для какой-то послѣдующей, болѣе смѣлой и творческой работы. Но, несмотря на это, зоркость къ деталямъ, терпѣливый анализъ и умъ автора заставляютъ выдѣлить его работу изъ всей юбилейной литературы о Тютчевѣ.

Совершенно обратны методы несоизмѣримой по значенію, несовременной и, тѣмъ не менѣе, замѣчательной статьи Соловьева.

Владимиръ Соловьевъ «открылъ» Ф. И. Тютчева въ 1895-мъ году. Честь этого открытія едва ли умаляется тѣмъ, что за много лѣтъ до того, еще при жизни поэта, его великій даръ былъ уже отмѣченъ и превознесенъ Некрасовымъ, Тургеневымъ, Фетомъ: они не ставили себѣ задачей проникнуть въ самое средоточіе Тютчевской лирики. Они просто обращали вниманіе читателей на замѣчательные стихи поэта, говорили о художественной силѣ этихъ стиховъ, и въ бѣглыхъ, случайно брошенныхъ фразахъ намекали на рѣдкій умъ и несравненную глубину Тютчева. Въ чемъ именно и какъ эти качества поэта проявились, первые его критики не объясняли.

Дать это объясненіе попытался, много позднѣе, Владимиръ Соловьевъ.

Значеніе его статьи усиливается еще однимъ обстоятельствомъ. Сама ли она такъ замѣчательно написана, или широкіе слои общества оказались, наконецъ, подготовленными къ достойной оцѣнкѣ этой поэ-

зіи, — но только именно послѣ Соловьевской статьи, для Тютчева наступила пора истиннаго и окончательнаго признанія.

Соловьевъ съ ясностью и вдохновеніемъ «изложилъ» міросозерцаніе открытаго имъ поэта.

На этомъ, при всѣхъ достоинствахъ статьи, можно было бы и не останавливаться. Вѣдь критикъ имѣеть главной цѣлью: показать чужое произведеніе и уступить ему мѣсто въ памяти читателя. Но иногда, въ особо счастливыхъ случаяхъ (какъ это бывало, на примѣръ, съ Бѣлинскимъ), критику удается окружить имя поэта какой-то особой атмосферой, сквозь которую всегда, или очень долгое время, воспринимается его поэзія.

Сама статья уже основательно забыта, а вліяніе ея продолжается...

Мнѣніе Соловьева о Тютчевѣ усвоили и, отчасти, углубили, символисты, и такимъ, Соловьевскимъ, поэтъ остался, въ сущности, для всѣхъ, кто пишетъ о его міросозерцаніи.

Между тѣмъ статья знаменитаго философа имѣеть одну особенность, о которой крайне важно помнить: глубина Тютчева въ ней подмѣнена глубиной самого Соловьева.

Авторъ «Silentium» у автора «Трехъ разговоровъ» — мудрый, но... обезвреженный.

Эта подмѣна произведена безсознательно и, конечно, отъ любви критика къ поэту. Нельзя даже сказать, что Соловьевъ допустилъ какія либо грубыя ошибки, говоря о Тютчевѣ. Статья, и въ цѣломъ и въ деталяхъ, — интересна, глубока, вдохновенна. Но какой-то не сразу уловимый налетъ Соловьевскаго оптимизма прихорашиваетъ поэзію Тютчева. Своимъ, Соловьевскимъ, знаніемъ, своей религиозной вѣрой критикъ поддѣлился съ любимымъ поэтомъ, не умаливъ его этимъ, но исказивъ.

Между тѣмъ совпаденіе Соловьева и Тютчева въ міроощущеніи не могло не быть противоестественнымъ.

Вся исторія для Соловьева — процессъ непрерывнаго осуществленія Божественной правды на землѣ. Онъ твердо вѣритъ, что рано или поздно здѣсь настанетъ царство Божіе, побѣда свѣта надъ тьмой.

Блестательная схема знаменитаго философа о борьбѣ хаоса и космоса низводитъ хаосъ до роли какого-то фона, какой-то низшей силы, которая обречена, волнуясь и прорываясь наружу, всего лишь подчеркивать, усиливать по контрасту свѣтлую организующую силу космоса.

Всѣ эти мысли Соловьева разбросаны и въ статьѣ о Тютчевѣ, причѣмъ высказаны онѣ такъ, какъ будто философъ почерпалъ ихъ не въ собственномъ своемъ сознаниі, а въ Тютчевскихъ стихахъ.

Стихи же эти, если ужъ позволительно судить по нимъ о какомъ-то единомъ міровоззрѣніи, — говорятъ другое, пожалуй, прямо противоположное всему, что проповѣдывалъ Соловьевъ.

Хаосъ въ этихъ стихахъ — сила подавляющая, главная, вѣра отравлена сильнѣйшимъ сомнѣніемъ, и въ лучшихъ строчкахъ поэта, должно быть, глубже всего выношенныхъ, звучать страшныя слова о бессмысленности и безуміи всей человѣческой жизни.

Въ лирикѣ вообще опасно искать единства. Настроения поэта капризны, онъ часто противорѣчитъ самъ себѣ, и каждый можетъ, подбирая цитаты по своему вкусу, представить поэта такимъ, какимъ захочется: веселымъ или мрачнымъ, вѣрующимъ или атеистомъ, добродѣтельнымъ или аморальнымъ.

Проводникомъ къ истинно главному въ міроощущеніи поэта являются, прежде всего, его наиболѣ совершенныя стихи.

Неправда, что прекрасныя стихи «сдѣланы» болѣе умѣло, чѣмъ посредственныя; они сами сдѣлались такими, потому что слова, образы и мысли, ихъ составляющіе, попали на самый сильный, самый послѣдній огонь въ сознаниі или въ душѣ поэта. Идя по этимъ слѣдамъ, критикъ рѣдко рискуетъ уклониться отъ цѣли своихъ поисковъ.

Къ сожалѣнію, Соловьевъ — философъ, неизмѣримо болѣе сильный, нежели Соловьевъ-поэтъ, — не всегда выбиралъ лучшіе стихи Тютчева для развитія своихъ положеній.

Самъ убѣжденный въ какой-то высокой осмысленности процессовъ природы, критикъ Тютчева, напримѣръ, съ особымъ восторгомъ отмѣтилъ программное стихотвореніе «Не то, что мните вы, природа», и построилъ на подробномъ анализѣ этихъ строчекъ цѣлую философію природы, будто бы принадлежащую Тютчеву.

Соловьевъ и не замѣтилъ, быть можетъ, или не хотѣлъ замѣтить, слишкомъ приподнятаго тона этихъ стиховъ.

Само по себѣ отличное и примѣчательное, стихотвореніе «Не то, что мните вы, природа», все же никакъ не принадлежитъ къ двумъ десяткамъ совершеннѣйшихъ созданій поэта, наиболѣ цѣнныхъ для сужденія о немъ.

Но, допустимъ, что программное стихотвореніе Тютчева о природѣ можетъ быть ключемъ къ міроощущенію поэта. Можно ли даже тогда сдѣлать изъ этихъ строчекъ выводы, сдѣланные Соловьевымъ?

И, главное, не уничтожатся ли эти выводы сразу, простымъ напоминаніемъ другихъ строчекъ, противоположныхъ программнымъ и, въ скобкахъ замѣтимъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ онѣ.

Совершенно вѣрно, что Тютчевъ, какъ никто, чувствовалъ природу.

Поэтъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ обличаетъ тѣхъ, кто слѣпы и глухи къ ней.

Но если бы можно было спросить самого Тютчева, о чемъ съ нимъ-то самимъ «совѣщалась въ бесѣдѣ дружеской гроза», — врядъ ли отвѣтъ былъ бы особенно утѣшителенъ для тѣхъ, кто вѣритъ въ неизбѣжную побѣду свѣта надъ мракомъ, смысла надъ хаосомъ. Слишкомъ смутны и грозны Тютчевскіе намеки, разсѣянные въ лучшихъ его стихахъ о зарницахъ, о ночи, о всей природѣ въ цѣломъ.

Да, конечно, она не «слѣпокъ», не «бездушный ликъ» для Тютчева, но этотъ живой ликъ всегда похожъ на загадочную голову сфинкса, «своимъ искусомъ природа губить человѣка», жизнь ея не совпадаетъ, какъ у Соловьева, съ конечными цѣлями человѣческой жизни, она, скорѣе, имъ враждебна.

И человѣкъ, отъ всего уставшій, ищетъ у природы не столько поддержки, сколько забвенія.

Дай вкусить уничтоженья,
Съ жизнью дремлющей смѣшай.

Даже въ самомъ жизнерадостномъ изъ Тютчевскихъ стихотвореній о природѣ, томъ, которое до слезъ трогало Льва Толстого, есть нота разлада.

И жизни Божески - всемірной
Х о т я н а м и г ъ причастенъ будь!

Въ этихъ трехъ словахъ, на которые дважды падаетъ и логическое и ритмическое удареніе, — весь Тютчевъ.

Н а м и г ъ человѣку дано совпасть съ какими-то цѣлями всемірной жизни, но мигъ этотъ не похищаетъ у природы ея секрета, существованіе человѣка не озаряется впредь и навсегда этими мигами, это

не — откровения, знакомыя Соловьеву, или, точнѣе, это — не тѣ откровения.

Чувства просвѣтленной вѣры въ торжество смысла надъ хаосомъ, того чувства, которое незримо и зримо разлито въ Соловьевской статьѣ о Тютчевѣ, самъ поэтъ у непредвзятаго читателя, думается, не вызоветъ.

Странный выводъ невольно хочется сдѣлать изъ статьи Соловьева. Да, онъ читатель предвзятый, но, отчасти, мы благодарны ему за это.

На фонѣ философской системы Соловьева особенно разительнымъ становится все отрицательное обаяніе Тютчевской лирики.

Въ ней концы съ концами не сведены, въ ней противорѣчій столько, сколько во всѣхъ подлинныхъ стихахъ, отъ всѣхъ теорій, отъ всѣхъ міропониманій она, въ концѣ концовъ, камня на камень не оставляетъ.

Говоря о философіи Тютчева, можно, конечно, подразумѣвать подъ этимъ ту атмосферу, которую онъ своими стихами создаетъ и внушаетъ.

Но тогда ужъ лучше не вводить въ эту атмосферу никакихъ постороннихъ лучей и не бояться того, что сильнѣйшее въ Тютчевской лирицѣ — не противъ хаоса и бессмыслицы нашей жизни, а — съ ними.

И, все-таки, читатель, безъ вспомогательнаго оптимизма великихъ или малыхъ «разъяснителей» Тютчева, — чувствуетъ что-то свѣтлое въ его поэзи.

Чувство это, приблизительно, такое, какое можно вообразить у очень одинокаго человѣка, который бы предполагалъ, что онъ одинъ до послѣдней степени боится не только смерти, но и жизни, — и вдругъ узналъ бы, что тѣмъ же самымъ ужасомъ одержимы и многіе другіе люди.

Онъ испытываетъ благодарность къ этимъ родственнымъ душамъ и облегченіе. Его ужась, кѣмъ-то раздѣленный, уменьшается.

Не въ этомъ ли свѣтлое значеніе страшной, по существу, поэзи Тютчева?

Допустивъ, что въ мірѣ нѣтъ цѣли и въ жизни нѣтъ смысла, человѣкъ сошелъ бы съ ума, если бы не зналъ, что и другіе люди допускаютъ то же самое, а вотъ... живутъ же.

Строчки:

Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ, —

и другія строчки, подобныя этимъ, потому и привязываютъ къ Тютчеву, что онъ сумѣлъ самое страшное и, что скрывать, вѣсѣмъ знакомое чувство выразить недвусмысленно и навсегда.

Пока человѣкъ обреченъ не знать, а только смутно догадываться о цѣли своей жизни, — ночная (сильнѣйшая) сторона Тютчевской лирики будетъ утѣшать его не меньше, чѣмъ стройная и оптимистическая философія Соловьева.

Утѣшать, правда, совѣсѣмъ другимъ способомъ: не пытаюсь избавиться отъ страха передъ смертью, вселенной и жизнью, но за то до конца раздѣляя его.

*
**

Говоря о великихъ поэтахъ и не желая повторять уже сказаннаго о нихъ, невольно вступаешь въ споръ съ тѣмъ или другимъ изъ критиковъ. Читателю и самому пишущему пріятнѣе непосредственныя впечатлѣнія, украшенныя къ тому же цитатами изъ стиховъ. Но что же дѣлать — лирика поэта окружена цѣлымъ міромъ догадокъ и мыслей о ней и, передавая свое къ ней отношеніе, иногда полезнѣе всего оттолкнуться отъ чужихъ сужденій, особенно если они живы и властны. Но вотъ, уже безъ спора съ другими критиками, нѣсколько замѣчаній о поэзии Тютчева и, прежде всего, о наименѣ выигрышныхъ и наименѣ изслѣдованныхъ ея сторонахъ. Кажется, безспорно, что слабѣе всего политическіе стихи Тютчева и что меньше всего писалось до сихъ поръ о любовной его лирикѣ.

Что можно сказать въ защиту политическихъ стиховъ Тютчева? Прежде всего — все ли въ нихъ объяснимо его официальными взглядами, близостью къ славянофиламъ, государственной службой и т. д.? Въ худшихъ — да, но не въ лучшихъ.

Такую проницательность, какъ Тютчевская, не могли притушить даже злободневныя темы и даже программное ихъ разрѣшеніе. Мало кто изъ современниковъ понялъ лучше его неизбѣжность революціи.

Трудно даже утверждать, что онъ не сочувствовалъ ей хотя бы немного.

Во всякомъ случаѣ, ни монархія, официально Тютчеву близкая,

ни республика, которую онъ почти проповѣдывалъ въ концѣ жизни, — не были главнымъ предметомъ его политической мысли.

Не схема государственнаго устройства, а «темное, неразгаданное, ночное», таившееся подъ событіями девятнадцатаго вѣка, — по настоящему волновало Тютчева.

Какія-то силы, неудержимо и глухо потрясавшія Россію изнутри, — были ему явственно слышны, какъ Достоевскому.

«Меня удивляетъ одно въ людяхъ мыслящихъ, писалъ Тютчевъ, что они еще недовольно вообще поражены апокалиптическими признаками приближающихся временъ. Этотъ таинственный міръ, быть можетъ, цѣлый міръ ужаса, въ которомъ мы вдругъ очутимся, даже и не примѣтивъ этого перехода».

Но Тютчевъ былъ дипломатъ, государственный дѣятель, патриотъ.

Въ каждой изъ этихъ ролей нужна официальная нота. Въ жизни она удавалась Тютчеву.

Въ поэзіи она утратила свою убѣдительность.

Да и могло ли быть иначе?

Поэтъ, сомнѣвавшійся въ смыслѣ всего существованія, не могъ быть до конца увѣренъ въ смыслѣ какихъ бы то ни было военныхъ походовъ, какихъ бы то ни было дипломатическихъ и даже національных проектовъ. Безъ доли ложнаго паѳоса стихи этого порядка не создаются. Приподнятый и какой-то не по Тютчевски безаппеляціонный тонъ большинства этихъ стихотвореній выдаетъ ихъ происхождение.

Все, однако, мѣняется, даже здѣсь, даже въ политическихъ стихахъ, когда Тютчевъ прикасается не къ поверхности событія, а къ стихіи, скрытой за нимъ.

Перечитайте хотя бы стихотвореніе «На новый 1855 годъ». Многое въ немъ отъ лучшаго, глубочайшаго Тютчева.

Слова и намеки напряженны, тревожны. Атмосфера, внушаемая Тютчевымъ, такая, какъ если бы онъ писалъ о какомъ либо грозномъ явленіи природы. Заботы о преходящемъ, расчеты политика и дипломата уступили мѣсто «инстинкту пророчески-глухому». Тютчевъ обмолвился въ этихъ стихахъ даже прямымъ предсказаніемъ (тогда же сбывшимся) о смерти Николая I и военномъ разгромѣ Россіи.

Уже однихъ этихъ строчекъ довольно для реабилитаціи политиче-

скихъ стиховъ поэта, уступающихъ другимъ его стихамъ, но неотъемлемыхъ отъ его творчества.

Говоря о стихахъ Тютчева, посвященныхъ любви, приходится снова задѣть критика, объ этомъ писавшаго, — Валерія Брюсова.

Для Брюсова Тютчевъ былъ поэтомъ страсти, а не любви. Но если вникнуть въ Брюсовское опредѣленіе страсти, можно съ увѣренностью сказать, что онъ ошибался, находя такое же чувство у Тютчева.

Обладаніе женщиной, желанія, распаленныя малѣйшимъ сопротивленіемъ, составляютъ для Брюсова главное въ страсти. У Тютчева онъ, естественно, замѣтилъ то, что нашель родственнымъ себѣ: любовь, какъ «поединокъ роковой».

Но поединокъ этотъ сопровождался и другими чувствами, Брюсову чуждыми. Ихъ вплетеніе въ страсть измѣняетъ ея случайный и внѣшне-бурный характеръ, дѣлая ее болѣзненно-впечатлительной, трагической и глубокой. Разница между такой страстью и любовью, самой возвышенной, поминутно стирается, печальная развязка, предсказанная съ самаго начала неравенствомъ любящихъ и борющихся, влечетъ къ себѣ неудержимо обоихъ. Это скольженіе любви и невозможность удержать ее на краю бездны, это растущее съ каждымъ годомъ сожалѣніе о неминуемой гибели одного изъ двухъ, гибели, увы, по винѣ другого, этотъ, за невозможностью измѣнить себя и спасти другъ друга, заранѣе прочувствованный взрывъ поздняго раскаянія надъ могилой, — вотъ приближительная ткань лучшихъ стиховъ Тютчева, посвященныхъ его послѣдней любви. Они писались, точнѣе, переживались до смерти Денисьевой, почти всѣ они записаны, когда ея не стало.

Какъ ни грубы, какъ ни наивны отзывы Писарева о русской поэзіи, ихъ нельзя выбросить изъ исторіи русской культуры. То, что онъ требовалъ отъ поэта, вовсе ужъ не такъ бессмысленно, хотя лучшая поэзія почти не способна на такіе вопросы отвѣчать. Въ сущности, устами Писарева, русское общество требовало отъ поэта героизма. И не виновать поэтъ, какъ не виновать Писаревъ, что передовые люди того времени видѣли героизмъ т о л ь к о въ борьбѣ за идеалы политическіе. Эпоха великихъ реформъ и все, что за ней послѣдовало, все это напря-

женіе борьбы между старымъ и новымъ въ Россіи, какъ будто, такой взглядъ оправдываютъ.

Понадобилось много времени, длительный искусь побѣдъ и разочарованій, чтобы и другой героизмъ, внѣобщественный, снова былъ оцѣненъ по заслугамъ.

Съ русской интеллигенціей давно уже стало происходить то, что особенно замѣтно сейчасъ въ эмиграціи на людяхъ передовыхъ политическихъ партій: ихъ соціальные идеалы приобрѣли постепенно какой-то болѣе вѣчный, болѣе глубокой фонъ.

Косвенно это проявилось уже давно, приблизительно въ девяностыхъ годахъ, когда интересы философскіе, религіозные и вопросы отвлеченнаго отъ злобы дня искусства стали занимать все болѣе широкій кругъ людей. Тогда-то и наступило время для настоящей оцѣнки Тютчева. Его поэзія, конечно, заслужила Писаревскій упрекъ. «Презрѣніе къ суетѣ земли» — одна изъ темъ этой лирики.

Собственно, фраза Писарева — о Пушкинѣ, даже, какъ самъ критикъ выразился, «о Пушкиныхъ». Но это не важно. Если бы Тютчева уже тогда разглядѣли, и онъ возмутилъ бы Писарева.

Достаточно строчекъ:

Ты къ людямъ, ключъ, спѣшишь въ долину,
Попробуй, каково у нихъ, —

чтобы во многомъ обвинить Тютчева. Въ нихъ (да и не въ однихъ этихъ строчкахъ, почти во всей Тютчевской лирикѣ) — отказъ отъ борьбы за лучшую жизнь, недоувѣріе къ попыткамъ что-либо въ сердцѣ человѣческомъ измѣнить и, если угодно, въ нихъ есть даже эгоистическое стремленіе оградить себя отъ лишнихъ страданій, неизбѣжныхъ тамъ, въ долинѣ.

Да, Писаревъ правъ. Если не считать двухъ-трехъ исключеній (Некрасовъ, Блокъ, немножко Лермонтовъ), тема общественнаго героизма не такъ ужъ близка русской лирикѣ.

Тютчевъ съ послѣдней ясностью напоминаетъ зато о другомъ героизмѣ.

Конечно, преступить какой-то предѣлъ въ государствѣ и обществѣ бываетъ иногда необходимо и опасно для преступающаго.

Не такъ ли и въ другихъ областяхъ: преступить какія-то предѣлы, кѣмъ-то поставленные для ума и души человѣка, — грозитъ ему безуміемъ, разрушаетъ возможность личнаго благополучія, вводитъ для него задолго до срока лучи хаоса и смерти въ природу, въ самое существованіе мыслителя или поэта. Но онъ на это идетъ.